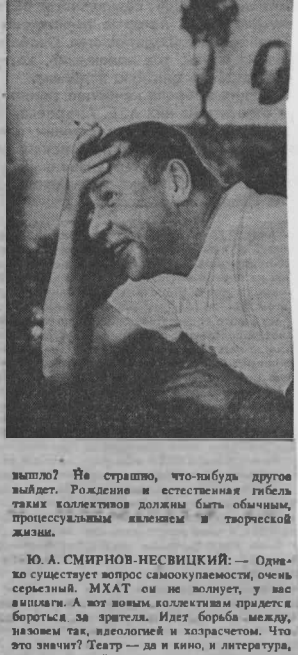
ДВЕНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ



Во время предыдущих гастролей МХАТа в Ленинграде летом 1974 года на страницах «Ленинградского рабочего» встретились его главный режиссер О. Н. Ефремов и ленинградский критик Ю. А. Смирнов-Несвицкий. Их диалог, опубликованный в еженедельнике, назывался «Театр — это жизнь».

И вот к нам снова приехал МХАТ. И мы вновь попросили встретиться народного артиста СССР, лауреата Государственных премий СССР О. Н. Ефремова и доктора искусствоведения, заведующего научно-исследовательским отделом ЛГИТМиК им. Н. К. Черкасова Ю. А. Смирнова-Несвицкого.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Незадолго до нашей предыдущей встречи вы, Олег Николаевич, возглавили МХАТ. И мы тогда говорили о стоящих перед вами проблемах. Можно ли как-то подвести итоги прошедших двенадцати лет? Что вам удалось и чего не удалось добиться?

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Тогда я всем, в том числе и корреспондентам, говорил: дайте мне 5 лет. За пять лет мы во МХАТе решим три основные проблемы: труппа, режиссура, репертуар. Так вот, все осталось. Все проблемы те же. Ничего не удалось изменить до конца, хоть много я пробовал и предпринимал усилий. Ну, может быть, с репертуаром все-таки кое-что удалось сделать. Связь с современными драматургами есть, пьесы нам несут. Было ведь время, когда во МХАТ пьес не давали. А с труппой все по-прежнему. Как было 160 человек, так и осталось.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Нет, вы недооцениваете период. Вы набрали великолепную труппу, собрали лучших актеров многих театров. У вас сегодня Смоктуновский, Табаков, Борисов, Калягин, Доронина, Вертинская... Много у вас звезд.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Иначе театра бы не было. Я не вполне точно выразился, что с труппой все по-прежнему. Изменения есть, и немалые, потому что ушли из жизни мхатовские старики. Они составляли сущность Художественного театра, его лицо. Мне было ясно, что если не собрать новый ведущий состав, костяк, Художественного просто не будет...

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — И еще одно ваше достижение в том, что вы решились широко привлечь молодых режиссеров, дать им постановки.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Они могли бы работать еще активнее. У меня счет к молодым режиссерам. Приходится преодолевать их косность. Им чего-то недостает. Тщеславия? Честолюбия, которое выражалось бы в стремлении открыть нового драматурга, вывести в люди. Я из-за молодых режиссеров проворонил несколько пьес молодых интересных авторов. До сих пор жалею, что не мы, а Малый театр в свое время поставил «Ретро» А. Галина. У нас было кому играть эту пьесу, но молодые режиссеры читали ее и морщились... Нет у них общности с драматургами, нет стремления к самобытности.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Существует культура образцов и культура самобытности. Может быть, молодые как бы заморожены образцами? Они знают, что был великий МХАТ, и робко входят на порог культуры. Оглядываются по сторонам: как ставили, что...

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Ну что вы! Никакого пиетета. Наоборот. Для молодых: «А-а, МХАТ...» Образцы иные, зачастую действительно современные, высокие. Что-то из кино, что-то из зарубежного театра понаслышке... Но мне представляется, что мы действительно подошли к какому-то моменту, когда все образцы качнулись. Следующее поколение уже будет переходить барьер самобытности. Это трудно, можно нос сломать. Но есть уже сейчас в режиссуре не похожие на других ребята. Анатолий Васильев, например. Есть и другие.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Вероятно, настало время, когда прекрасные картины, которые мы в театре рисуем, перестают воздействовать. Потому что они — некие полотна, которые люди созерцают. Это прекрасная культура, она будет жить, но пришло время не скачка — полета в иную культуру, когда театр создает не полотно, а жизненную ситуацию, в которую зритель должен включиться.

Вот я вчера смотрел ваш спектакль по пьесе А. Мишарина «Серебряная свадьба». Есть там удачный кусочек, когда вдруг на Выборнова, большого начальника, приехавшего из Москвы, набрасываются местные «князьки», возомнившие себя хозяевами города. Они ему говорят свою правду. Их позиция так любопытна, что я как зритель сразу включился. Потому что вошла с их словами жизненная ситуация. Было неважно слышно, и мне хотелось крикнуть: «Не слышно! Давайте поговорим по-настоящему!»

О. Н. ЕФРЕМОВ: — У нас в здании на Тверском бульваре огромный проспениум. В том зале все прекрасно видно и слышно. А на гастролях всегда сложности, приходится все перемещать, и порой действительно не все получается.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Сегодня главное — впустить в театр живую жизнь. Я на вашем спектакле фантазировал: вот если бы «князьки» не сумели противопоставить себя Выборнову? Не решились? Спектакль бы остановился, и вышел бы режиссер и спросил актеров: «Почему вы остановились? Зрители же ничего не понимают?» И актеры объяснили бы, почему все так, а не иначе. И зрителя вовлекли бы в разговор, в живой диспут о жизни. Театру кажется кощунственным на это идти, а он, по-моему, должен. И актер должен быть к этому готов. Я часто думаю, почему сегодня актер — это профессионал, а не гражданин? Почему так мал его контакт со всем, что происходит вокруг? Нужен скачок в театральном мышлении.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Согласен. Необходим скачок, чтобы МХАТ превратился во МХАТ. Я все время об этом думаю. Труппа в 160 человек — это не театр, это уже комбинат. Скоро начинается театральный эксперимент, вы, конечно, знаете. Театрам будет предоставлена большая самостоятельность и в выборе пьес, и в финансовом отношении. Может быть, в условиях эксперимента что-нибудь придумается. Я, знаете, все мечтаю выделиться в некое товарищество, в котором бы состояли человек пятьдесят актеров, звезд. Работать, считаю, нужно со звездами, в первую очередь с ними, потому что они уже действительно определенный образец. Те из них, которые наиболее актеры, актеры в истинном смысле слова, чувствуют в себе дефицит. Дефицит, порожденный отрывом от жизни, слоем штампов. И еще — любовью зрителя, которая трудно иногда преодолевается. Немирович-Данченко правильно говорил, что главный враг прогресса в театре — зритель, который цепляется за то, что полюбил. Вот Татьяну Доронину, например, полюбил, потому что она придыхает и такая милая. Как ей с этим расстаться и быть другой? Но звезды чувствуют, ощущают беспокойство от этой своей недостаточности. И работать надо с ними. Тогда и у молодежи будет другой уровень.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Мне очень понравилось, как вы сказали: «Нужен скачок, чтобы МХАТ превратился во МХАТ». Вы имели в виду истинный МХАТ, который когда-то создавался...

О. Н. ЕФРЕМОВ: — ...задумывался...

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — ...рождался. МХАТом тогда создавалась общественная ситуация. Вся интеллигенция пришла на «Три сестры» и узнала себя. И создалась атмосфера общения. Вот что должны вспомнить ваши звезды.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Интересно, что на спектаклях МХАТа различные течения вдруг объединились. Андрей Белый взял «Три сестры» в свой символизм. Он писал, что это реализм, доведенный до символа. И не хотел это отдавать другому направлению. Я вот думаю: ведь Мейерхольд ставил «Балаганчик» Блока, а Блок — все туда, все во МХАТ стремился. Почему? Было в старом МХАТе что-то неумолимо жизненное. Это и есть искусство.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Театр должен потрясать. Это не пустая фраза. Театр должен устраивать в хорошем смысле скандал. Если бы ваш спектакль «Серебряная свадьба» вышел не сейчас, а два года назад...

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Но мы и начинали работу над пьесой два года назад. Знаете, сейчас такое волнение критическое везде, и в прессе тоже. Все хотят поострее высказаться. А для меня острота в том, как изменилась мораль, нравственность в наших головах. Есть люди, которые как нелюди стали. Выборнову ведь пришлось опоздать на похороны матери, чтобы что-то понять, пересмотреть. Мы об этом делали спектакль.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Знаете, чаще всего сегодня встречается ситуация, когда театр спокойно показывает, а зритель спокойно посматривает. Действо его не волнует. А вот недавно прошел в Ленинграде выездной секретариат правления Союза писателей РСФСР. Были Белов, Бондарев, Гранин, Залыгин, Михалков и другие известные писатели. Когда Василий Белов вышел на трибуну, это так волновало! За его словом угадывался целый мир. Вот чего актеру сегодня не хватает. И Гранин рассказал, что приехал на лесное озеро под Ленинградом и увидел, как мальчишки бросают в воду консервные банки. Он их отчитал, они стоят, пристыженные, с банками с руках и спрашивают, что же с ними делать. Гранин оглянулся вокруг и увидел, что весь лес замусорен, в нем полным-полно дряни всякой, и не убирается она никем и никогда. Нет такой службы. А ведь пока нет конкретной работы, все, что мы болтаем об охране природы, — мусор. Одними словами делать не воспитаешь. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев волнение за природу соединил с культурой вообще. Я это к тому, что слово актера должно быть обеспечено судьбой, делом, поступком.

Олег Николаевич, мы с вами в прошлый раз много говорили о любительском театральном движении. Вы тогда очень интересовались самодеятельными студиями, видели в них живое начало, и мы даже повторили фразу Мейерхольда о том, что дилетанты спасут театр. Я слышал, что в Москве сейчас студии рождаются, как грибы после дождя.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Да? Я-то слышал наоборот, что в Ленинграде на каждом углу или студия, или театр.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — На гастроли к нам приезжал ваш театр-студия на Юго-Западе. Правда, театральная общественность приняла их прохладно.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Можно принимать их или нет, но своим делом они занимаются серьезно. Так же, как и театр Марка Розовского. А студии Олега Табакова я хочу дать крышу и вообще всячески помочь. Нужна возможность для возникновения студий всякого рода: любительских, профессиональных, полупрофессиональных... Должна быть возможность проб, попыток осуществиться. Не вышло? Не страшно, что-нибудь другое выйдет. Рождение и естественная гибель таких коллективов должны быть обычным, процессуальным явлением в творческой жизни.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Однако существует вопрос самоокупаемости, очень серьезный. МХАТ он не волнует, у вас аншлаги. А вот новым коллективам придется бороться за зрителя. Идет борьба между, назовем так, идеологией и хозрасчетом. Что это значит? Театр — да и кино, и литература, и музыка — сейчас поляризуется на развлечение и на истину. Истина часто не собирает денег. А развлекательное искусство — пожалуйста. Эстрада уже диктует законы театру. И молодежь, воспитанная в дискотеках, идет на такой театр. А ведь что такое дискотека? Танцы нужны молодежи, это естественно, но когда еще и говорят с придыханием, что какой-то Боб с трубой переехал из города в город...

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Не согласен. Они знают всех бобов с трубами, для них важно, куда эти бобы переезжают. Для них в этом некая общность, желание общения, утверждения и единства.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Но это первый этап. А дальше их нужно куда-то вести.

О. Н. ЕФРЕМОВ: — А дальше за них надо биться. Надо хитрые уловки совершать, чтобы смотрели. Истину прикрыть как угодно, а потом все равно обнажить. Это работа. Иначе как же? Вот через несколько дней вернусь в Москву, и режиссер Марк Розовский покажет мне проект создания самоокупаемых театров-студий. Они, наверное, будут получать какую-то первоначальную государственную помощь, кредит, а в дальнейшем сами себя обеспечивать. Главное, чтобы такие коллективы рождались. Это колоссальное дело. Сразу даст новую возможность общественной жизни, гласности, художественной активности, нравственного воспитания... Для молодежи это очень важно. Впрочем, что я вам это объясняю. Вы сами уже столько лет руководите театром-клубом «Суббота».

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — «Суббота» по отношению к профессиональному театру — как инопланетяне. Клуб живет по своим законам, близким к фольклорному театру с его жизненной правдой. Мы стараемся не образ создавать, а общение...

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Может, у вас и вырабатываются новые законы для театра профессионального.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Мы все существуем в едином театральном процессе. Просто не все и не всегда это понимают.

МХАТ завершает свои гастроли. И следующая наша встреча с вашим театром опять произойдет через двенадцать лет?

О. Н. ЕФРЕМОВ: — Хотелось бы восстановить традицию, которая была у Художественного театра в начале века — он каждый год приезжал в ваш город. И мы могли бы приезжать ежегодно в конце сезона с одним-двумя спектаклями. Сговориться с Большим драматическим театром имени Горького о такой неделе обмена гастролями — они у нас на Тверском бульваре, а мы в их здании на Фонтанке.

Ю. А. СМИРНОВ-НЕСВИЦКИЙ: — Так да — до скорой встречи!

Записала А. АНДРЕЕВА

Фото П. Маркина